

Доппельгангер из зазеркалья.
Венецианское зеркало Александра Чаянова в
итальянском переводе

Александр Урусов
Неаполь

Книга

Публикуем рецензию на книгу Aleksandr Čajanov. *Lo specchio veneziano*. Roma: Elliot, 2013, 87 pp. (А. Чаянов, *Венецианское зеркало*, перевод на итальянский, предисловие и биографический очерк Джулии Джиганте).

Контакты

urussov30@mail.ru

Несколько слов об авторе этой странной русско-венецианской повести.

Александр Васильевич Чаянов (1888-1937) – человек огромной культуры, энциклопедических знаний и трагической судьбы. Чаянов был, прежде всего, выдающимся экономистом, специалистом в области кооперации в сельском хозяйстве. Любопытный факт его биографии: еще будучи студентом московского Сельскохозяйственного института, он написал свою первую научную работу об аграрно-кооперативном движении в Италии. Чаянов опубликовал свыше восьмидесяти научных трудов, в которых развивал теорию кооперативного движения и первым сформулировал учение о трудовом крестьянском хозяйстве. После прихода к власти большевиков он руководил крупнейшими в стране кооперативными организациями, потом, по представлению Ленина, был введен в состав Госплана, затем стал членом коллегии Наркомата земледелия. В 1918 году он создал и возглавил первый в стране исследовательский центр по экономике сельского хозяйства. Один из его первых фундаментальных трудов, в котором он развивал свои теории, назывался *Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации* (1919). Чаянов был также выдающимся экономистом-математиком, одной из важнейших составляющих его кооперативной теории был принцип дифференциальных оптимумов, которым решались вопросы о рациональных размерах земледельческих хозяйств. И именно эти его теории вызвали небывалый гнев Сталина, задумавшего проводить в конце 20-х годов жесткую масштабную коллективизацию сельского хозяйства СССР.¹ Теории ученого были объявлены «антимарксистскими», он был вынужден покинуть пост директора института. В 1930 его арестовали как одного из организаторов несуществующей «Трудовой

¹ «Непонятно, почему антинаучные теории “советских” экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати» И. Сталин. *К вопросам аграрной политики в СССР*. Доклад на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929.

крестьянской партии» и приговорили сначала к пяти годам заключения в лагере, а позже, в 1937 году, он был заново судим и приговорен к расстрелу.

Многогранная личность Чайнова – уникальный феномен не только в российской экономической науке, но и в культуре. Человек необыкновенно широкой эрудиции, великолепный историк, автор трудов по истории и топографии Москвы, тонкий знаток искусства, страстный библиофил (его библиотека принадлежала к числу замечательных московских частных книжных собраний). Его перу принадлежат работы *Московское собрание картин сто лет назад* (1917), *Старая западная гравюра* (1926), *История Миусской площади* (1918), *Петровско-Разумовское в прошлом и настоящем* (1925). Эти последние исторические исследования московской топографии нашли отражение в его четырех «московских» неоромантических повестях.

Начиная с 1918 года Чайнов, несмотря на свою напряженную научную и организаторскую деятельность, пишет цикл литературных произведений, совершенно далеких, казалось бы, от его интересов ученого-аграрника. В 1918 году он издает в Москве под псевдонимом Ботаник X повесть *История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.* Эта повесть не случайно посвящена автором одному из зачинателей мистико-романтического жанра в европейской литературе Э.Т.А. Гофману, поскольку полностью следует эстетике немецкого классика. Следом выходят *Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей* (Москва 1922), *Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека* (Берлин 1923), *Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина* (Москва 1924) и, наконец, заключительная московская романтическая повесть *Юлия, или встречи под Новодевичьим* (Москва 1928). В промежутке между первой и второй повестью Чайнов издал также *Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии* (под псевдонимом Иван Кремнев, Москва 1920), произведение, ставшее одной из первых в начале XX века попыток описать недалекое будущее (1984 год!) в духе классической утопии, в которой воплотились мечты самого Чайнова об идеальном «крестьянском» устройстве будущего общества. Следует отметить, что это произведение не поддается однозначному прочтению и породило множество часто взаимоисключающих мнений.²

Четыре романтические повести Чайнова появились в 20-е гг. мизерными тиражами. В те времена и страна, и общество в советской России были весьма далеки от продемонстрированного Чайновым достаточно рафинированного, если не сказать слегка эстетского экзерсиса. Повести надолго остались в некоем литературном забвении, в том «лимбе», куда на десятилетия исчезали произведения авторов, которые – как и Чайнов – имели несчастье сознательно или неосознанно оказаться неудобными коммунистической власти. Но, несмотря на это, чайновская проза заметный след в истории все-таки оставила, и не где-нибудь, а в творчестве Михаила Булгакова, который не только прочитал повести, а позаимствовал из одной из них, *Венедиктов*, одну из сюжетных линий *Мастера и Маргариты*.³ Впервые после многолетнего забвения повести вновь увидели свет в 1982 году в Нью-Йорке (изд. «Руссика»). Лишь в 1989 они были впервые напечатаны на родине после посмертной реабилитации писателя Верховным судом СССР в 1987 году.

Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека до последнего

² См., в частности, Соливетти.

³ См. Сајанов, *Lo speshio veneziano*, примечание на стр. 23.

времени оставалась единственной из чаяновских повестей, неизданной в итальянском переводе. Сейчас она вышла в блестящем переводе Джулии Джиганте с ее же предисловием и биографической справкой об авторе. Джиганте в 1994 году уже переводила *Венедиктова и Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина* (изд. Melangolo). Еще две повести были переведены в Италии Анной Рафетто (*История парикмахерской куклы*, 1994) и Карлой Мускио (*Юлия*, 1995).

Перевод *Венецианского зеркала* в издательстве «Eliot» предваряется обширным предисловием, в котором изложена история создания всего романтического цикла и высказывается ряд интересных предположений о том, в частности, что идея сюжета *Зеркала* могла быть подсказана Чайнову рассказом Валерия Брюсова *В зеркале. Из архива психиатра* (1901). В пользу этой теории, кроме очевидного – мотива зеркала-мистерии – говорит тот факт, что Чайнов хорошо знал творчество поэта и даже посылал ему на отзыв свои собственные ранние поэтические опыты. Другим стоящим внимания наблюдением Джиганте является выявленная ей связь романтической прозы Чайнова не только с Гофманом (*Эликсиры сатаны*), но и с Шамиссо (*Петер Шлеммель*). А также связь чаяновского дискурса, наряду с произведениями русских романтиков, с Гоголем и Достоевским. Хочется добавить к этому возможную параллель с некоторыми произведениями Э.А. По, особенно с его новеллой *Вильям Вильсон* (1839, первый русский перевод в 1858). Но об особенностях трактовки образа двойника в этой новелле По будет сказано ниже.

В мировой литературе, особенно в литературе романтизма, мотив двойничества встречается часто, а море исследований на эту тему и вовсе необъятно. Чайнов несомненно был знаком со многими произведениями, в которых двойник героя появляется из зеркала. Богатую почву для анализа (как и психоанализа) главного героя дает само присутствие зеркала в своей заглавной роли. Причем важно, что главный герой повести, зажиточный московский коллекционер и эстет Алексей, свое роковое зеркало находит в Венеции, в таинственном подвале на берегу канала *Gracio* (скорее всего – *Canal Grande*). Попутно заметим, что хоть и не совсем оправданно говорить о «венецианском тексте» в романтической литературе Чайнова, но все-таки следует отметить тот факт, что загадочная Венеция частично является местом действия и другой повести Чайнова, *История парикмахерской куклы*.⁴

Чайнов, вслед за писателями-романтиками, выпускает из зеркала в московский особняк начала XX века инфернального персонажа, бывшего ранее отражением Алексея. Алексей же, наоборот, каким-то чародейственным способом оказывается заключенным в зеркало. Зеркало в романтических сочинениях издавна считалось границей, разделяющей реальный мир и мир духов. В народных верованиях и в фольклоре разных стран *допельгангер* не должен отражаться в зеркале, но у Чайнова ситуация с зеркальным двойником приобретает парадоксальный поворот, когда Алексей, вырвавшийся наконец из своего зеркального заключения, также не отражается в зеркалах, став таким образом *двойником двойника*. Борьба героя со своим двойником-отражением осложняется любовной интригой, и в момент ее кульминации двойник насилует невесту протагониста. Все это наблюдает из холодного и сумрачного «зеркального заточения» охваченный бессильным гневом

⁴ Венеция, как пишет Джиганте, город-зеркало *par excellence*, но не следует забывать, что это и город маскарадного действия, иллюзии, обмана, и не зря тот же По и другие романтики часто выбирали его местом действия.

Алексей, к тому же вынужденный против воли повторять все похотливые кривлянья своего коварного двойника. Схожая ситуация была описана в уже упоминавшейся новелле Э.А. По *Вильям Вильсон*, с которой, вполне возможно, был знаком Чаянов. Но у По двойник главного героя, являясь эталоном добродетели и морали, пытался всеми силами удерживать того от распутства и прочих безобразий. Традиционно же двойник, или допшельгангер, является олицетворением зла, типичным выражением враждебной стороны *двоемирия*, а также, как в случае *Венецианского зеркала*, инкарнацией потаенных комплексов Алексея, его подавленных сексуальных желаний. Об этом, например, говорит эпизод (на него справедливо указывает Джиганте в своем эссе), в котором у героя повести, под влиянием зеркала и собственного *симулякра* вырываются «неожиданной бурностью» из подсознания те brutальные импульсы, «которые он научился с годами подавлять». Думается, что подобная ситуация указывает на очевидное знакомство Чаянова с теориями психоанализа. Известно, что в начале прошлого в России были переведены века все основные работы Фрейда и, в частности, были хорошо известны фрейдистские теории по поводу *двойничества*.

Кроме этого осовременивания традиционных романтических сюжетов, Чаянов вводит в свой рассказ о таинственных свойствах зеркала и некоторые другие новшества, связанные с зеркальным *двоемирием*. Например, «в трепетном сумраке зеркальных пространств», куда заключен Алексей,

с содроганием натькался он на отражения давно умерших людей, некогда бывших великими и продолжающих ныне, угасая, свое зеркальное бытие, лишь изредка заглядывая из своих inferнальных далей сквозь стеклянную пленку в земной мир, пугая своих потомков.

Публикация этой повести, завершившая неоромантический цикл Чаянова в итальянских переводах, могла бы, будем надеяться, разбудить интерес итальянских издателей к публикации и других неоромантических и фантастических произведений того же периода (первой половины XX века), совершенно неизвестных итальянскому читателю.⁵ А также, может быть, побудить их вернуться к произведениям их предшественников, русских классиков романтической фантастики XIX века: В. Одоевского, А. Погорельского, О. Сенковского, А. Бестужева-Марлинского и др.

Библиография

Соливетти, К. «Утопия или метаутопия? Текст, метатекст и паратекст в *Путешествии моего брата Алексея* А. Чаянова.» *Вторая проза. Русская проза 20-х—30-х годов XX века*. Trento, 1995. Печать.

Сталин, И.В. *К вопросам аграрной политики в СССР*. Доклад на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929. Печать.

Чаянов, А.В. *Вестник Сельского Хозяйства*. 36 (1909). Москва. Печать.

⁵ Александр Грин, Гайто Газданов, Борис Соколов, Овидий Савич, Андрей Соболев, Эмилий Миндлин, Алексей Толстой.